

Л. А. Якушева

Человек в очереди: социокультурная модель и артефакт

Статья посвящена конкретизации феномена «советская очередь». Автор полагает, что очередь относится к тем социокультурным практикам, в которых сосредоточены как исторические, этнические, психологические особенности фундаментальной коммуникативной традиции, так и особенности частной жизни и бытового поведения советского и постсоветского человека. И хотя процесс отторжения и разложения советской культурной традиции во времени еще не завершен, уже сейчас можно утверждать, что коммуналка, очередь, лагерь, двор, дача составили ту «систему координат», в которой приходилось существовать трем-четырем поколениям людей в СССР. Вынужденные приспосабливаться к реалиям времени, они выстраивали свои способы взаимоотношения с окружающим внешним миром, в том числе и через процесс стояния в очередях.

Публикация является продолжением размышлений и изысканий автора на тему репрезентации повседневной жизни советского человека в художественных текстах [8]. В данном случае в качестве примера нами выбрана одноактная пьеса Аллы Соколовой «Зеленые бананы». Эта актриса и драматург более известна своей драмой «Фантазии Фарятьева». Обе эти пьесы написаны в традициях русского психологического театра.

Ключевые слова: очередь, культура повседневности, советский человек, психологический театр, драматургия «новой волны», Алла Соколова.

L. A. Yakusheva

A Man in a Shop Line: a Socio-Cultural Model and Artifact

This article deals with the phenomenon of concretization «the shop line of homo soveticus». The author believes that everything relates to the social and cultural practices, which are concentrated as historical, ethnic, psychological features of fundamental communicative traditions and peculiarities of privacy and consumer behaviour of the Soviet and post-Soviet man. Though in time the process of exclusion and disintegration of the Soviet cultural tradition has not been completed yet, we can already say that the communal, the camp, the yard, the dacha – amounted to the «system of coordinates», where three or four generations of people in the USSR had to be. Forced to adapt to the realities of the time, they built their relationship with the processes surrounding the outside world, including through the process of standing in a shop line.

The publication is a continuation of the author's thinking and research on the topic: the representation of everyday life of the Soviet man in artistic texts.

In this case, Alla Sokolova's one-act play «Green Bananas» was selected as an example by us. This actress and playwright is more known for her drama «Faryatiev's Fantasy». Both of these plays were written in traditions of Russian psychological theater.

Keywords: shop line, everyday life, homo soveticus, psychological theatre, drama of «a new wave», Alla Sokolova.

Культура повседневности базируется на эфемерных и, казалось бы, простодушных основаниях, таких как еда, предметы обихода, ежедневные житейские процедуры. Со временем все эти детали приобретают очертания культурной нормы, не только становясь репликаторами определенной эпохи, но и формируя «повторяющуюся структурность общественных ситуаций» [5, с. 4]. Прошлое «толкует нас», предьявляя нам в качестве отраженного и художественно осмысленного опыта манипулятивные технологии, сценарные практики, систему идеологем и образов. Мы отражаемся в зеркале культуры, имея в своем распоряжении смысловые концепты, ценностные константы и формулы поведения, влияющие на то, что происходит с нами и вокруг нас.

Согласно словарю В. Даля, очередь – это «порядок, последовательность, принятый порядок

следования одного за другим» [2, с. 64]. Исторически сложилось так, что очередь стала *институциональной формой*, регулирующей жизнь семьи, поколений, государства; *бытийной нормой*, соотносимой с ожиданием, терпением, воздаянием; *частью системы распределения ценных благ*, то есть атрибутом культуры повседневности. Рассмотрим ментальные особенности очереди, определив «русскость» данного феномена. Психологические, социокультурные параметры очереди соотнесем с советской традицией. И наконец, сетевой принцип очередей, психологию очередника представим как основание для установления «диагноза» современности.

Особенностью русской очереди является *скудность и хаотичность* в сочетании с априори заданной ею же организованностью и последовательностью. Это происходит по разным причинам

и соотносится с прагматикой действия заинтересованных лиц (стояние в нескольких очередях сразу), ментальной абсурдностью действий (стоять за компанию, стоять вместе, чтобы поговорить). Русская очередь может возникнуть на интерес – стоять «все равно зачем», стоять, чтобы посмотреть, «а что там». М. Эпштейн отмечал, что любая культура отличается открытостью, демонстрируя свое лицо. Очередь же, являясь анахронизмом, открывает спину – то, что не защищено [7, с. 79]. Продолжая это наблюдение, отметим, что «европейские» очереди предполагают дистанцирование, удаленность людей друг от друга (особенно в ситуации завершения стояния, приближения к результату), а «русская» может быть схематично представлена в виде цепи, где каждое звено – это отдельный круг, участники которого «разворачиваются», контактируют, объединяются в устойчивые мини-группы. Именно поэтому в «нашей» очереди легко происходит визуальная (дама в шляпе, человек в сером пальто т. д.), социальная (студент, врач, пенсионерка) и персонифицированная идентификации.

Очередь, имея свои социально-исторические предпосылки возникновения (экономический упадок, войны, разруха), наиболее рельефно проявила себя в советское время, поскольку не просто относилась к повседневной, обыденной жизни человека, но и воплощала в себе *модель*, в которой отражался избранный путь исторического развития: отдаленность результата, дльщееся ожидание. Если иметь в виду, что «риторический дискурс советской идеологии перенасыщен метафорами пути, то можно согласиться с М. Эпштейном, что очередь «необходимо было изобрести» (поддерживать как социальный институт) [7, с. 80]. Постепенно приобретая статус групповой нормы, очередь способствовала ужесточению иерархической пирамиды, уравниванию и формированию механизмов управления и давления.

Особенностью советской очереди являлась особая плотность людей на единицу площади, вследствие чего ее *психологическая территория* отличалась особой напряженностью, эмоциональной выраженностью. «Чем ближе люди, тем менее дружескими и более болезненными становятся их отношения» [3, с. 373]. В очереди мы наблюдаем «детское» поведение Я-личности. В отличие от «взрослых» реакций на проблемные ситуации (анализ мотивов, последствий), дети видят способы разрешения конфликтных ситуаций в интенсивности проявления эмоций. Так, участники очереди для «ускорения» передвижения и достижения результата зачастую используют бурные реакции, комментарии, иногда механические действия

(отталкивание, размахивание руками, вплоть до потасовок). Однако каждый участник социотерапии предъявляет другим не сами чувства, а то, что могло бы указать на испытываемые эмоции. В этом случае человек на публике уподобляется актеру-исполнителю. Театральность поведения присуща и участникам очереди. В ней достаточно четко просматриваются некоторые амплуа: «посвященный» (тот, кто знает стоящих, запомнил в лицо отдельных участников), крайние (и те, кто только что подошел, и те, кто стоит вопреки указанию на то, что обслуживаться не будут). Смена положения по отношению к прилавку приводит и к смене ролей. В каждом отдельном случае могут быть определены элементы драмы как классического текста (завязка, конфликт), с заведомо заданной жанровой характеристикой развития действия (драма, трагикомедия), психологической атмосферой происходящего (агрессивность, беспокорство, тревога, нервозность).

Несправедливость, ущербность, зависть («почему досталось кому-то, а не мне») становились устойчивыми характеристиками межличностных отношений не только внутри очереди, но и за ее пределами. Хвастовство недавно сделанными покупками и сервировка праздничных столов дефицитными продуктами были атрибутами советского образа жизни.

Стремление людей избежать очередей как процедурно оформленных действий было вполне естественным. Существовали всевозможные стратегии поведения, позволяющие улучшить шансы стоящего: сказать, что занимал раньше, предъявить особые доказательства: детей, беременность, документы льготника. Социальное положение, статус, причем в крайних оппозициях (от номенклатуры до люмпенского дна), позволяли не стоять в очередях вообще.

За долгий период советской власти очередь стала устойчивым механизмом воздействия, структурирования индивидуального поведения: власть концентрировалась в одной точке – прилавке, остальные участники позиционировались по отношению к «распределителю благ» по «территориальной» близости, степени родства, расчетливости при использовании принципа «ты – мне, я – тебе». Существовали услуги, получение которых откладывалось на неопределенный срок, но физически можно было в очереди не стоять (очередь на квартиру, телефон, на получение подписных книжных изданий и т. д.). Подобного рода ситуации послужили еще большему распространению данного феномена по сетевому принципу.

Общими характеристиками советской очереди являлись «замедленность», протяженность, мас-

штабность и монументальность. Она охватывала все стороны жизни и притязания – от очереди в Мавзолей (иерархия) до очереди за колбасой; от очереди за билетом на спектакль до очереди в кафе, становясь существенной и неотъемлемой частью культуры повседневности и условием идентификации: «Я, как и все, стою в очередях».

Современные маркетологи предлагают различные способы ликвидации очередей в пределах одного учреждения, предоставляющего услуги, пользующиеся повышенным спросом [6, с. 120–121]. Все они, так или иначе, присутствовали и в советское время: срочное обслуживание заменяла система выдачи спецпайков; обслуживание наиболее ценных клиентов соотносилось с работой со льготниками; линии с высокой оплатой за услуги оборачивались выносом и распределением с «черного хода». В советское время доминировал принцип выстраивания очереди за «одним» товаром, так называемые современные «экспресс-линии». Абсурдность такого выстраивания очереди заключалась в том, что количество желающих приобрести тот или иной товар от этого не убывало, а возрастало, поддерживаемое своего рода скрытой рекламной акцией («раз все стоят – дают что-то нужное»). Инвариантом этой процедуры становилось распределение «в одни руки» (количественное, весовое, размерное и другие ограничения).

В тоталитарном государстве очередь, являясь социальной нормой, не нарушала личностные границы (порой даже обостряя условие выбора «стоять – не стоять»), в то время как современные маркетинговые технологии предельно обезличены. Обыватель использует приобретенный опыт социальных ролей произвольно, автоматически. Современное общество сталкивается с проблемой переноса отношений «в очереди» (со всеми негативными проявлениями) на более близкие – домашние, соседские, корпоративные. Сама же очередь, будучи социальной болезнью, пережив пору социального бедствия, стала вирусом, поразившим все формы коммуникативного поведения современного человека.

С. Довлатов, В. Маканин, М. Жванецкий, В. Аксенов, И. Штемлер, В. Сорокин в своих произведениях давали точные характеристики состояния, психологии и способов самоорганизации сообщества очередников, постепенно формируя образно-метафорическое наполнение понятия «очередь». Рассмотрим художественную интерпретацию культурного пространства «человека из очереди» на примере одноактной пьесы драматурга «новой волны» Аллы Соколовой «Зеленые бананы». Время написания произведения – начало

80-х, публикация была осуществлена в 1985 г.; до настоящего времени пьеса сценически востребована: например, в 2009 г. она была поставлена в Центральном доме актера, в 2015 г. постановка осуществлена театральной студией ДрамАрт г. Славутича, «Театром на чайной» г. Одессы.

Место действия драматургической миниатюры «Зеленые бананы» – городской сквер. Ранняя весна. Он и она. Скамейка. Реплика женщины: «Извините, где вы брали бананы?» [4, с. 176] – срабатывает по принципу сжатой пружины. С самого начала мы оказываемся в ситуации, когда один человек имеет то, чего у другого нет, но этому другому необходимо. Зеленые бананы, редкие, экзотические (для времени конца 70-х) фрукты, провоцируют обычную для эпохи дефицита пикировку, выяснение отношений, но, в конечном итоге, становятся поводом для начала знакомства.

В начале пьесы герои – мужчина и женщина – сидят, согласно ремарке, «не глядя друг на друга», демонстрируя *поведение человека в очереди*: предъявляют друг другу претензии, обижаются, возмущаются и т. п. Складывается впечатление, что, будучи «заведенными» на определенное действие «получения добычи», они не могут остановиться, словно забыв, что Он уже свое отстоял и бананы получил, а для Нее этот момент упущен. Их реплики напоминают обмен затверженными фразами, используемыми в типовых ситуациях публичного конфликта. Она: «Вы меня своей грубостью не удивите... И не такое слышала». Он: «Сначала плюнете в лицо, потом извиняетесь через губу» [4, с. 176]. Представленная ситуация очень узнаваема. В ней угадываются черты «вседозволенности» поведения (грубость, хамство), которые распространились катастрофически быстро, пронизав все сферы и виды жизнедеятельности советского человека. Разрушение традиций, сложившихся иерархических норм и ценностей, даже на короткое время, повлекло необратимые процессы. Вынужденные выживать, советские люди оказались причастными к творению такой обыденной культуры, которая вытесняла человеческое, уступая место животному.

Люди «толкаются, давят друг друга» [4, с. 177], останавливаясь ненадолго, чтобы неожиданно для себя заметить, что бананы пахнут «сломанной весенней веткой» [4, с. 177], что «мир держится на отдельных чудаках» [4, с. 178]. Передышка раскрывает в героях человеческую натуру, вызывает желание попросить прощения. «Я обычно стараюсь держать себя в рамках» [4, с. 179], – оправдывается Она, а Он в ответ протягивает ей зеленые бананы. Примирение, которое могло бы быть классическим финалом, становится началом не-

простого разговора о том, что оба они оказались истцами и что ее, беременную, бросил муж, а ему жена не дает встречаться с дочкой.

Однако автор не только представляет сцену из реальной жизни, но и дает повод задуматься о модели поведения человека, преодолевающего неравенство (материальное, социальное, образовательное и т. д.) путем хамства, откровенных эмоциональных всплесков («И чего я на вас набросилась?» [4, с. 179]), неконтролируемых реакций. Реплика: «Научились люди от гадости удовольствие получать» [4, с. 176], – становится и выпадом-осуждением чужого поведения, и маркером собственного, поскольку герои обмениваются этим упреком. Каждый из них становится причастным к «жестоким играм» современного человека, где нет ни правил, ни «оглядки» на нравственные ориентиры (культурную традицию, христианские постулаты). Поэтому проблема «маленького человека», стремящегося к превосходству, при чтении текста воспринимается не только как социальная беда, но и как предвестница гуманитарной катастрофы.

Разговор на скамейке длится каких-нибудь минут 15, и за это время герои переходят с позиции «вы меня не слышите / вы меня не понимаете» на одну общую волну, совпадая в стремлении подерживать свой императив порядка, разумности. Для Него это положенные по закону свидания с дочерью, выполнение отцовского долга, для Нее – стремление когда-нибудь объяснить ребенку, «что хорошо, что плохо на наглядных примерах: на птичках, на пчелках, на сорняках» [4, с. 181]. В данном диалоге условием успешной коммуникации становится способность человека к адаптации в меняющихся условиях, его психологическая устойчивость, осуществление преднамеренной толерантности, проявляющей себя не на глобальном, а на обыденном житейском уровне, что, с учетом отсутствия определенной культурной консервации, гораздо сложнее.

В итоге читатели/зрители пьесы становятся свидетелями коллизии падения – возрождения, отрицания – примирения героев, что не только соответствует обозначенным жизненным реалиям, но и отсылает к матрице классических текстов. Повседневная ситуация в данном случае воспроизводит культурные смыслы, необходимые для понимания эпохи, а человек из очереди приобретает статус героя своего времени.

Библиографический список

1. Богданов, К. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности [Текст] / К. Богданов. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 438 с.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах. Т. 2 [Текст] / В. Даль. – М.: Славянский дом книги, 2014. – 3696 с.
3. Сеннет, Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
4. Соколова, А. Люди, звери и бананы [Текст] / А. Соколова // Пьесы ленинградских драматургов. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 149–190.
5. Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры [Текст] / Э. Ю. Соловьев. – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
6. Челенков, А. Специфика управления сервисными продуктами [Текст] / А. Челенков // Маркетинг. – 2000. – № 1. – С. 120–121.
7. Эпштейн, М. Очередь [Текст] / М. Эпштейн // Все эссе : в 2 тт. Т. 1. В России (1970–1980-е). – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 544 с.
8. Якушева, Л. А. Драматургия дачной жизни в реальности и художественном произведении [Текст] / Л. А. Якушева // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 342–348.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bogdanov, K. Povsednevnost' i mifologija: issledovanija po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti [Tekst] / K. Bogdanov. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2001. – 438 s.
2. Dal', V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4-h tomah. T. 2 [Tekst] / V. Dal'. – M.: Slavjanskij dom knigi, 2014. – 3696 s.
3. Sennet, R. Padenie publichnogo cheloveka [Tekst] / R. Sennet. – M.: Logos, 2002. – 424 s.
4. Sokolova, A. Ljudi, zveri i banany [Tekst] / A. Sokolova // P'esy leningradskih dramaturgov. – L.: Lenizdat, 1985. – S. 149–190.
5. Solov'ev, Je. Ju. Proshloe tolkuet nas: Oчерki po istorii filosofii i kul'tury [Tekst] / Je. Ju. Solov'ev. – M.: Politizdat, 1991. – 432 s.
6. Chelenkov, A. Specifika upravlenija servisnymi produktami [Tekst] / A. Chelenkov // Marketing. – 2000. – № 1. – S. 120–121.
7. Jepshtejn, M. Oчерed' [Tekst] / M. Jepshtejn // Vse jesse : v 2 tt. T. 1. V Rossii (1970–1980-e). – Ekaterinburg : U-Faktorija, 2005. – 544 s.
8. Jakusheva, L. A. Dramaturgija dachnoj zhizni v real'nosti i hudozhestvennom proizvedenii [Tekst] / L. A. Jakusheva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 5. – S. 342–348.